

СТЯДЖЕР

ДМИТРИЙ СИЛЛОВ

ЗАКОН МУТАНТА

Апокалипсис-СТ

Дмитрий Силлов

Закон мутанта

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Силлов Д. О.

Закон мутанта / Д. О. Силлов — «Издательство АСТ»,
2019 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-133300-3

Военные объединились с «мусорщиками», считающими себя хозяевами Зоны, чтобы зачистить зараженные земли от сталкеров. Группировки обречены – силы слишком неравны... А сталкерам-одиночкам и подавно не выжить в этой ужасной бойне, до начала которой осталось совсем немного времени. Идти сейчас к центру Зоны – безумие, равносильное самоубийству. Но Снайпер поклялся помочь американскому полицейскому Джеку Томпсону исполнить его сокровенное желание – вернуть семью. А значит нужно дойти до цели любой ценой, даже рискуя при этом превратиться в чудовище. Ведь слово сталкера – закон... даже если человека, давшего это слово, Зона медленно, но неотвратимо превращает в ужасного мутанта.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-133300-3

© Силлов Д. О., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

34

Дмитрий Силлов

Закон мутанта

© Силлов Д., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Автор искренне благодарит:

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алекса де Клемешье, писателя и редактора направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алексея Ионова, ведущего бренд-менеджера издательства АСТ;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Чернобыльской зоне отчуждения, за ценные советы;

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru и www.real-street-fighting.ru;

Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»;

Елену Диденко, Татьяну Федорищеву, Нику Мельн, Виталия «Дальнобойщика» Павловского, Семена «Мрачного» Степанова, Сергея «Ион» Калининца, Виталия «Винт» Лепестова, Андрея Гучкова, Владимира Николаева, Вадима Панкова, Сергея Настобурко, Ростислава Кукина, Алексея Егорова, Глеба Хапусова, Александра Елизарова, Алексея Загребельного, Татьяну «Джинни» Соколову, писательницу Ольгу Крамер, а также всех друзей социальной сети «ВКонтакте», состоящих в группе <https://vk.com/worldsillov>, за помощь в развитии проектов «СТАЛКЕР», «ГАДЖЕТ», «РОЗА МИРОВ» и «КРЕМЛЬ 2222».

Генерал Кравчук резко воткнул тлеющий окурочек в стальную пепельницу, аж искры во все стороны полетели.

– Всех положили, говоришь? – прошипел он, глядя на полковника так, словно собирался его пристрелить.

– Т-так точно, – слегка заикаясь, проговорил полковник.

Но генералу его ответ не требовался.

Он смотрел сквозь офицера и видел то, что не раз ему приходилось наблюдать за годы военной службы.

Трупы солдат. Перечеркнутые, разорванные очередями крупнокалиберных пулеметов. И кровь, которой всегда бывает много в подобных случаях. Большие лужи крови, медленно впитывающейся в отравленную землю Зоны.

– Значит, какие-то гребаные ученые с Куписты расстреляли роту штурмовиков с Вильчи, а вы так и не смогли ничего сделать?

От зловещего генеральского шипения у полковника выступил холодный пот на лбу, и ледяная капля неприятно прокатилась по коже между лопаток. Генерал Кравчук был известен своим крутым нравом и звериной жестокостью при выполнении боевых операций, которые благодаря этим чертам его характера в основном заканчивались успешно. Дать в челюсть подчиненному пудовым кулаком для генерала было как «здравствуйте» сказать, и на это высшее начальство закрывало глаза, потому что лишь такой командир мог хоть как-то решать проблемы в Чернобыльской Зоне. Другие предпочитали вообще не отправлять туда личный

состав, опасаясь понижения в должности вследствие практически неизбежной гибели штурмовых групп.

Но Кравчуку везло. Бойцы, посланные фактически на верную смерть, почти всегда возвращались обратно, выполнив задание. И потому Кравчуку многое сходило с рук.

– Разрешите доложить, – задавив страх отчаянием, рявкнул полковник. – Два звена Ми-2МСБ уничтожили научный центр на озере Куписта ракетными ударами. Но оказалось, что под ним находится целый подземный город, который нашим ракетам не по зубам. Там армированная бетонная подушка толщиной...

– Мне наплевать, какая толщина у той подушки! – заревел генерал. – Пошлите снова туда ваши эти два вертолетных звена. Пусть сбросят бетонобойные бомбы, а потом зальют этот гадючник напалмом. Вопросы есть?

– Бомбы у нас остались со времен СССР, – проговорил полковник, спина которого была уже полностью мокрой от пота. – Но... где ж нам взять напалм?

– У американцев с северных кордонов позаимствуйте, союзники ж как-никак, – сквозь зубы бросил генерал. – Ладно, я позвоню, договорюсь. Все. Распорядись готовить вертолетные звенья к вылету. Выполнять!

– Есть, – выпалил полковник, развернулся на каблуках и вышел из кабинета, ругая себя за то, что так и не решился сказать генералу о том, что из рейда к озеру Куписта вернулось лишь одно вертолетное звено. Но, как бы там ни было, приказ нужно было выполнять.

Любой ценой, какую только запросит за это Зона...

* * *

В автоклавах, похожих на прозрачные коконы, зарождалась жизнь, довольно жуткая с виду. Казалось, будто мумии, лежавшие в стеклянных гробах, одновременно очнулись и теперь пытаются выпутаться из саванов, в которые их завернули много тысячелетий назад.

Всего работающих автоклавов, сияющих изнутри нездоровым зеленым светом, было семь. Но все внимание лейтенанта Джека Томпсона занимали лишь два крайних. В них воскресали самые дорогие для Джека люди – его жена и дочь, убитые чудовищем много лет назад.

И вот сейчас чудовище возвращало их к жизни. Стальной экзоскелет с аквариумом из бронестекла вместо головы, в котором плавал живой мозг, вряд ли можно было назвать человеком. Но сейчас этот экзо, двигаясь довольно шустро, метался между автоклавами и пультом управления, явно переживая за результат своего труда. Ученый как-никак. Вернее, был им недавно, пока не превратился вот в это – что, однако, не помешало ему взяться за выполнение своего обещания.

Справедливости ради надо отметить, что далеко не все люди обладают подобным качеством. Однако Джека это почему-то не радовало. Казалось бы, ради вот этого самого момента прилетел он с другого конца земного шара, был убит и выброшен в Зону, но древний артефакт вернул его к жизни... Зачем? Для того, чтобы он выполнил то, в чем поклялся самому себе?

Вряд ли.

Артефактам плевать на человеческие клятвы. У них своя логика, которой людям никогда не понять. Но Томпсону было ясно одно – за то, что сейчас происходит, с него еще потребуют плату.

И немалую.

Уже потребовали...

Он как-то в суете забыл о том, что обещал торговцу убить некоего сталкера по прозвищу Снайпер. И именно сейчас в его голове словно издали, но в то же время очень явственно звучал неслышимый голос:

«Ты обещал его уничтожить, человек... Но не выполнил обещание... Поэтому ты обрешь то, что заслужил...»

Томпсон перевел взгляд на того, кто стоял рядом с ним. Человека, которого он должен был убить – но не убил. Отчасти потому, что узнал о нем, но основной причиной было не это. Джек явно погорячился, дав такое обещание, и сейчас искренне жалел об этом. Получалось, что его жена и дочь возвращаются к жизни грязно – через ложь и чужую смерть. Сейчас, слыша потусторонний голос в своей голове, Томпсон вдруг четко осознал: Зона заставит его выполнить обещанное. Иначе с его вновь обретенной семьей непременно случится что-то страшное – и вновь по его вине. Сможет ли он во второй раз пережить такое?

Причем это могло произойти прямо сегодня. Кто знает, что вылупится сейчас из этих коконов? И что бы оттуда ни вылезло, это уже будут не его жена и дочь. Может, похожие на них как две капли воды, но точно не они.

Слепки.

Копии...

Которым никогда не стать теми прекрасными существами, которых он любил и будет любить вечно.

И которых уже никогда не вернуть...

– Нет, – сдавленным голосом произнес Джек Томпсон. – Останови это.

Механический профессор Кречетов резко замер, словно наткнулся на невидимую стенку.

– Что остановить? – прозвучало из динамика, расположенного на груди экзоскелета.

– Это, – Томпсон ткнул пальцем в сторону автоклавов. – Не нужно. Я осознал. Их уже не вернуть никогда.

– Заканчивай дурить, – негромко сказал Снайпер. – Еще несколько минут, и твои...

– Не мои, – перебил его Томпсон. – Мои умерли. И я отпустил их сейчас отсюда.

Он дотронулся до лба.

– И отсюда.

Широкая ладонь полицейского коснулась груди, отчего по его лицу непроизвольно пробежала гримаса боли – то место, откуда вылез жуткий артефакт, еще побаливало.

– Но вы понимаете, что если я сейчас отключу автоклавы, то вы больше никогда не увидите своих родных, так как принесенный вами биоматериал уже использован и его не вернуть.

Томпсон кивнул, и – что уж тут скрывать – это простое движение далось ему непросто. Как и слова, которые он буквально выдрал из своей груди:

– Я понимать. Выключайте.

Динамик на груди Кречетова издал звук, похожий на хмыканье, после чего ученый пробежался стальными пальцами по пульту управления...

Немедленно два автоклава из семи вырубилась. Исчезла едва заметная вибрация мощных стеклянных капсул, пропало негромкое гудение, ядовито-зеленый свет превратился в обычную внутреннюю подсветку. И в этом мертвенно-бледном сиянии было видно, как матрицы внезапно перестали шевелиться.

Они уже успели превратиться в некое подобие человеческих тел – женщины и ребенка, которые слабо, едва заметно двигались, словно готовясь проснуться и вырваться на волю из своих коконов. Но процесс прервался, и шевеление почти сразу прекратилось. Прошло несколько секунд, и на поверхности матриц начали медленно расплываться синюшные пятна, похожие на трупные.

– Лучше на это не смотреть, – сказал профессор, обращаясь к Томпсону. – Матрицы, не завершившие полный цикл возрождения, разлагаются очень быстро. Оно тебе точно надо – разглядывать, как твоя семья превращается в лужу вонючей жижи?

Но полицейский не ответил. Он смотрел не отрываясь.

Чтобы запомнить раз и навсегда.

Их больше нет.

И не будет.

И так лучше для всех – и для них, и для него...

Снайпер тоже смотрел, но не на разлагающиеся матрицы, а на те, что лежали в своих автоклавах, окутанные зеленым туманом. Шла фаза воспоминания, как назвал ее Кречетов. Тела принимали форму, которая была запрограммирована в исходной клетке-доноре. И выглядело это странно. Слишком фантастично даже для Зоны, полной самых разнообразных чудес.

Одна из матриц раздавалась вширь и в длину, грозя раздавить автоклав изнутри стопами и головой. Это казалось вполне реальным, ибо на теле матрицы уже видны были практически сформировавшиеся части старого экзоскелета, при жизни его владельца намертво приросшие к телу.

Другая матрица, наоборот, стремительно ужималась в размерах. И не нужно было гадать, кто именно из нее получится, так как уже хорошо узнаваемы были выпирающие под беле-сой пленкой кокона большие уши и мордочка, странным образом одновременно похожая и на лисью, и на человеческую...

– Каждый раз не перестаю удивляться, – прогудел Кречетов. – Хотя осознаю, что, по большому счету, атомы – это маленькие кирпичики, из которых можно построить что угодно. Главное, знать, как строить!..

В его механическом голосе слышалась нескрываемая гордость. Наверно, он говорил бы еще, если б с потолка не упала огненная капля. Упала – и разбилась возле ног Кречетова на крохотные фрагменты, продолжающие гореть.

Ученый инстинктивно сделал шаг назад и задрал кверху свой аквариум. Непонятно, чем он смотрел, так как в сосуде на его плечах глаз не наблюдалось, но среагировал быстро:

– Напалм! – визгливо, словно пилой по стеклу провели, воскликнул он. – Они залили зал сумм напалмом! Еще несколько минут, огонь просочится через потолок, и все здесь сгорит к чертям! Бегите!!!

Он ринулся к контейнеру, в который сунул половинку академика Захарова, схватил его своими лапищами, выдрал из пола и помчался куда-то в глубь зала.

– Наверно, он очень хочет жить, – задумчиво сказал Томпсон, глядя ему вслед. И произнес он это голосом человека, который искренне удивляется людям, имеющим такие странные желания...

* * *

Потолок набухал огнем. Жидкое пламя просачивалось сквозь щели перекрытий – а может, и прожигало их. Напалм бывает разным. Например, пироге-ли способны прожигать даже металл, достигая температуры порядка тысячи шестисот градусов...

Я смотрел, как шустро сваливает Кречетов, и понимал – в данной ситуации это единственно верное решение. Если, конечно, мы еще планируем немного пожить. С напалмом шутики плохи. Не сгоришь, так задохнешься от дыма, которого эта гадость при сгорании выделяет немерено. И самое паскудное, что я ничем не мог помочь своим друзьям.

Я раньше видел, как проходит процесс превращения мертвой матрицы в живое существо. И понимал, что до окончания трансформаций осталось минут пятнадцать. Но за это время напалм гарантированно зальет лабораторию полностью, и мы здесь просто сдохнем вместе с матрицами, которые так никогда и не станут моими друзьями, вернувшись с того света.

– Кречетов прав, бежим отсюда, – сказал я Томпсону. И даже за рукав его дернул, чтоб он пришел в себя, оторвал наконец взгляд от автоклавов и вернулся в реальность.

– Зачем? – пожал плечами лейтенант.

– Хотя бы затем, чтоб твоя американская задница не поджарилась, так ведь у вас говорят? – раздраженно бросил я.

– Пусть жарится, – невесело усмехнулся Джек. – Мне уже все равно.

Подобное отношение к собственной жизни я всегда считал слюнтяйством. Но Томпсон не был слабовольным бесхребетником из тех, кто при виде опасности цепенеет и стонет «оставьте меня, я лучше умру». И его можно было понять. Отказаться от своей мечты, когда вот она, перед тобой, почти сбылась, – это очень тяжелое решение, которое мог принять только сильный человек.

Но и сильные порой ломаются...

И тогда им надо помочь вновь обрести себя.

Ну, я и помог, коротко, без замаха треснув лейтенанту кулаком в точку, расположенную под мочкой уха. Если в нее удачно попасть, человека вырубает на месте. Меня туда били, я знаю. Ощущение, будто выключателем щелкнули. Раз – и ты проваливаешься в кромешную темноту, из которой можно потом и не вынырнуть, если удар нанесен достаточно сильно.

Но я все правильно рассчитал, кость под кулаком не хрустнула. Но в то же время Томпсона как тараном снесло, еле успел подхватить его за навороченную камуфлю. После чего я присел, закинул себе на плечи бесчувственное тело и как можно быстрее пошел в том направлении, куда умчался Кречетов. Все-таки лучше спасти одного живого человека, чем бессмысленно умереть вместе с теми, кому, к сожалению, не суждено воскреснуть...

* * *

Мне было до жжения в глазах, до зубовного скрежета жаль своих так и не оживших друзей, которые навсегда остались в зале, быстро заливаемом напалмом, капающим с потолка. Но поделаться ничем не мог – как говорится, на все воля Зоны. И потому я, беззвучно матерясь, тащил на себе Томпсона в темноту многочисленных подземных коридоров, начинающихся сразу за помещением лаборатории. Если не можешь помочь всем, помоги хотя бы одному. Это старый закон выживания на любой войне, потому что когда-нибудь этим одним можешь оказаться ты сам...

Я понятия не имел, куда свалил Кречетов. Коридоры, слабо подсвеченные «вечными лампочками» и фосфоресцирующими лишайниками, ветвились, разделялись, пересекались друг с другом, словно кто-то специально создавал этот лабиринт с единственной целью – чтобы любой попавший в него тут же заблудился. Возможно, в военном отношении в этом и был определенный смысл – враг, проникнувший сюда без карты, сразу попадал в ловушку, наверняка начиненную смертоносными сюрпризами. Даже удивительно, что я пока не наткнулся ни на один из них.

«Чуйка» моя молчала, словно радио, в котором сели батарейки. И неудивительно – я был измотан до предела. К тому же, когда у тебя на плечах разлегся здоровенный кабан, который вместе с оружием и снарягой весит за сто кило, ментальные способности вырубает моментом, будто и не было их никогда.

Пройдя еще сто метров вперед, я понял, что это – все. Больше не могу. Еще немного – и я, придавленный весом Томпсона, рухну мордой в бетонный пол и больше не встану.

Такой расклад меня совершенно не устраивал. Я остановился, сгрузил с себя полицейского и усадил его на пол, прислонив спиной к сырой стене и предварительно сняв с него оружие и рюкзак. Вырубленному человеку это все по определению не нужно, а мне может пригодиться.

В результате я стал обладателем совершенно нового автомата Калашникова, какие на зараженных землях можно было раздобыть только в научном центре Захарова, знаменитого

пистолета М1911 и рациона питания на три дня, который я уничтожил на треть в рекордно короткое время, ибо жрать хотел, как оголодавший крокодил.

Консервированная вода в рюкзаке американца тоже нашлась, а что еще сталкеру надо? Тушенка, галеты, да запить это все – и счастлив. Человеку вообще, по большому счету, для счастья немного нужно – покушать да выспаться, да чтоб дождь на башку не лил и снегу не по колено, а хотя бы по щиколотку. Не понимают этого многие, пока кишки по деревьям не развешат. И вот тогда, без кишок-то, и приходит осознание счастья, утраченного навсегда. Да только поздно...

На сытый желудок меня часто посещают умные мысли – вместе с желанием придавить минут шестьсот. Короче, я не заметил, как вырубился...

И такое впечатление, что едва глаза закрыл, как чужой взгляд почувствовал. Оно для нас, сталкеров, как пощечина или, скорее, удар кулаком в зубы. Мигом вырывает из блаженно-дремотного состояния, потому что чужой внимательный взгляд в Зоне не предвещает ничего хорошего.

В общем, проснувшись, я обнаружил себя сидящим на полу с пистолетом в руках, направленным в лоб американского полицейского. Который, к слову, душить меня не собирался, а просто смотрел в глаза.

Очнулся, значит. Ну и замечательно. В таких случаях возможны два варианта развития событий. Сейчас он начнет выяснять, зачем я его спас, и, возможно, попытается суициднуться. Или же мозгами своими, встряхнутыми и прочищенными моим целебным ударом, осознает, что при любых обстоятельствах надо жить дальше. Зачем и кому надо – это уже другой вопрос. Но надо однозначно.

Но американец лишь сказал:

– Тухлостью пахнет.

– Чего? – не понял я.

Американец махнул рукой в сторону коридора, уходящего в темноту.

– Тухлость. Оттуда.

Я принял.

Действительно, из коридора тянуло разложившейся мертвечиной. Сладковато-тошнотворная вонь, которую ни с чем не спутать. И если оттуда ею тянет, значит, ее на нас либо вентиляция гонит, либо в той стороне имеется дыра, из которой и тащит сквозняк. И вполне вероятно, что эта дыра есть выход из подземелья, которое уже успело мне слегка осточертеть. Как и сама Зона, кстати, где ни хрена хорошего нет, только вот эти бесконечные туннели, над которыми сверху на километры раскинулся настолько унылый и однообразный пейзаж, что от одного его вида можно заработать хроническую депрессию.

– Есть такое дело, – кивнул я. – Только не тухлость, а тухлятина. Или вонизм, если быть точнее.

– Понял, – кивнул Томпсон. – Мой русский не совсем очень.

– Я заметил, – сказал я, поднимаясь на ноги и протягивая американцу его пистолет с надеждой, что он не станет возникать по поводу забранного мной «калаша». А если станет, то придется объяснять, что стрелять из своего пистолета и автомата одновременно у него не выйдет и что в Зоне лучше двое вооруженных попутчиков, чем один обвешанный стволами до зубов, а второй – с ножом.

Но Джек все понял верно. Забрал свой «девятьсот одиннадцатый» и, потеряв шишку под ухом, сказал:

– Спасибо.

– За что? – поинтересовался я.

– Ты спасти мой жизнь, как я однажды спас твой, – сказал американец. – Только ты убить более страшный чудовище, чем я тогда. Ты уничтожить монстра, который жить во мне долгие

годы и медленно убивать меня. Долгое горе – это тоже чудовище, который не дает нормально жить живым здесь и мертвым там...

Видно, что ему нужно было выговориться. Это нормально. Хороший удар по башке излечивает большинство психологических проблем. Некоторые взрослые мужики в такие моменты рыдают, освобождая организм от остатков эмоционального яда, который их разрушал...

Но Томпсон оказался крепче. Он просто говорил, путаясь в словах неродного языка – и уже немного начал меня задалбывать своими излияниями.

– Идти надо, – вставил я два слова, пока американец втягивал в себя воздух, готовясь продолжать свою исповедь. – Сваливать то есть. Тех, кто много говорит и мало делает, в Зоне обычно кушают. Думаю, обидно тебе будет оказаться съеденным после столь чудесного спасения.

– Обидно, – после короткой паузы согласился Томпсон. – Пойдем.

И направился в сторону «тухлости», держа «кольт» в точности так же, как делают это их копы в кино. Не совсем верная тема, кстати, если не здание прочесываешь, где из каждой комнаты может выскочить какой-нибудь долбодятел, которому жить надоело. Пистолет не пять грамм весит, и через несколько минут под его тяжестью руки сами опустятся – и тогда в случае чего уставшими конечностями очень несподручно будет оперировать своим оружием. Хотя с такими бицепсами, как у этого копа, пожалуй, это правило могло и не сработать.

Между тем по мере продвижения по коридору вонь усиливалась. Я, кстати, после того, как вылез из автоклава, изрядно испугавшись в собственной блевотине, так и не помылся, нигде было. И не переоделся, потому как не во что. Но к собственным ароматам уже притерпелся. А вот к тому концентрированному смраду, которым тянуло из коридора, привыкнуть было нереально. Казалось, еще немного, и мой обед хлынет из меня обратно.

Но Томпсон достал из рюкзака два легких армейских респиратора со сменными фильтрами, один из которых протянул мне. С ними стало немного легче. Респиратор едва уловимо пах апельсином, но вонь все равно пробивалась через фильтр. И смесь цитруса с мертвечиной – это, надо сказать, аромат еще тот...

Мы прошли еще метров двести – и нам наконец открылся источник столь экстремальной вонищи.

Похоже, когда советские строители возводили это подземелье, здесь планировали создать небольшой стадион, что неудивительно – во времена СССР с размахом строили не только на земле, но и под ней тоже. Но то ли что-то пошло не так и стадион демонтировали, то ли неведомые мародеры просто растащили отсюда все ценное... в общем, так или иначе, от грандиозного подземного сооружения осталась лишь забетонированная впадина, на дне которой что-то шевелилось.

Потолок здесь поддерживали мощные колонны, расположенные по краям стадиона, и за одной из них мы и спрятались, пытаясь разглядеть, что же там внизу такое творится. «Вечных лампочек» тут не было, да и не разогнали бы они тьму – слишком впечатляющим по размерам было помещение. А света от многочисленных фосфоресцирующих лишайников, густо облепивших стены, явно не хватало...

Но в рюкзаке запасливого американца и на этот раз нашлось решение проблемы в виде компактного прибора ночного видения, который он натянул на голову – и практически тут же снял, протянув мне.

Смысл его жеста был вполне ясен. Томпсон признавал, что он по сути в Зоне – «отмычка», новичок, ничего в ее делах и законах не смыслящий. И потому решать проблему доверил мне. А то, что это реально проблема, я понял сразу, как только надел на голову прибор...

Там, внизу, на дне бетонной чаши копошились какие-то мутанты, которые явно что-то жрали. Я покрутил колесико увеличения изображения – и сумел все разглядеть подробнее.

Это были мышканы. Твари, похожие на крупных, поджарых мышей величиной с кошку. Поодиночке они не особо опасны, но если сталкер встретит стаю этих шустрых лупоглазых тварей, то пиши пропало. Набросятся, вцепятся в ноги, метя порвать сухожилия, повалят на землю – и через несколько минут останется от человека один голый скелет. Такие вот сухопутные пираньи Зоны. К счастью, встречаются они нечасто – боятся любого света, даже звездное небо Зоны им неприятно.

Но самое интересное было не это.

В центре стадиона сидел здоровенный мышкан, ростом метра два с половиной. Вполне себе по-человечьи восседал на старом кожаном кресле, богато украшенном воткнутыми в него костями – и черепами, насаженными на эти кости...

Человеческими черепами.

Правда, если быть точнее, почти человеческими...

Через очень качественный американский ПНВ с функцией бинокля я рассмотрел на тех черепах следы мутаций – у одного лишняя глазница во лбу, у второго хорошо сохранившиеся аномально длинные клыки, у третьего вместо челюстей мощный орлиный клюв...

Периодически мышканы, пугливо приседая на полусогнутых задних лапах, приносили своему боссу куски чего-то, которые тот жрал, чавкая так, что даже нам было слышно.

И я, еще немного подкрутив настройки прибора, быстро разобрался, чем же таким вкусным кормят подземного короля его подданные.

Возле стен стадиона были навалены какие-то кучи, которые я сперва принял за слежавшийся мусор – прибор ночного видения хоть и неплохо передавал картинку, но сглаживал детали, – однако, приглядевшись, увидел, что из куч то там, то тут торчат голые кости и пока еще не до конца обглоданные конечности. Одна прям хорошо так выделялась на темном фоне – белая, со скрюченными человеческими пальцами, оканчивающимися когтями длиной сантиметров десять...

Там, на стадионе, сваленные в кучу, валялись тела мертвых мутантов, в том числе человекообразных.

И не сложно было догадаться, откуда они взялись.

Захаров постоянно экспериментировал с живой плотью, а плоды неудачных экспериментов нужно куда-то девать. Сжигать? Дорого. На зараженных землях любое топливо денег стоит, и немалых. Просто выбрасывать в Зону? Так рано или поздно поползут слухи о бесчеловечных опытах на людях, и неприятные последствия не заставят себя ждать. Конечно, в этих местах убийства и пытки практически обыденность, но с репутацией ученого с мировым именем можно будет попрощаться.

И Захаров нашел выход. Прикормив стаю мышканов, он получил бесплатный утилизатор биологических отходов. М-да, занятный персонаж этот академик. Ничего человеческого в душе не осталось, ради достижения цели все средства хороши. Хотя... Чего скрывать, много таких людей, что в Зоне, что на Большой земле. Есть у них запретная черта, которую они не соглашаются переступить ради достижения своих желаний... до поры до времени. И вопрос, переступят ли они ее, лишь в привлекательности и количестве хабара, который лежит за этой чертой. Не переступили? Так это не высокие принципы, просто трофей пока не особо ценный. Так что глупо осуждать Захарова. Он не квинтэссенция мирового зла. Он просто один из многих...

Однако сокрушаться о моральном облике академика времени не было. Надо было как-то выбираться из этого мегапаскудного места, воняющего как разрытое кладбище. Ага, вон там, на другой стороне стадиона видны распахнутые ворота, и, похоже, сквозняк, который я ощутил еще в коридоре, тащит оттуда. Всего и дел-то – пройти по краю бетонной ямы до тех ворот, а дальше уж как получится. Вопрос только в том, учуют нас мышканы, пока мы будем туда пробираться, или же нам повезет в очередной раз.

Я шепотом изложил свой план Томпсону, который в ответ пожал плечами. Мол, ты главный, тебе виднее. Это если б был вопрос, как бандита половчее задержать, тут я бы однозначно помог. Но что касается Зоны, это вы, господин легендарный сталкер, уж как-нибудь сами.

Ну, мы и пошли. Тихо-тихо отлепились от колонны и направились по краю стадиона, стараясь не дышать, держаться в тени и отсвечивать по минимуму.

И у нас получилось!

Почти...

Мы прошли половину пути, когда под каблуком Томпсона что-то хрустнуло.

Винить его было нельзя – он шел за мной практически в полной темноте. Это скорее я был виноват, что не заметил чьей-то старой кости, валяющейся под ногами. Хотя здесь было столько мусора, что гляди, не гляди, обязательно наступишь на какую-нибудь предательскую хрень.

Словом, я был готов к такому развитию событий. И еще до того, как мышканы на дне стадиона замерли, повернув в нашу сторону головы с крупными ушами-локаторами, я шепотом крикнул:

– Бежим!

И рванул вперед, по пути прислушиваясь к топоту подошв по бетонному полу. Если топот есть, значит, Томпсон послушно несется за мной и помощь ему не нужна. Вот и ладушки, вот и хорошо.

Но как бы мы быстро ни бежали, мутанты оказались быстрее. Я видел, как их вожак резко повернул голову назад, к сожалению, не свернув себе при этом шею, и визгливо рывкнул.

От этого вопля, похожего на многократно усиленный скрип железом по стеклу, вся стая мышканов выпала из ступора и резко рванула вверх, легко перепрыгивая через две-три высокие ступени, на которых раньше стояли скамьи для зрителей.

Оценив скорость, с которой к нам рванули мутанты, я как-то очень быстро осознал, что до ворот нам не добежать. Не успеем. Твари нас на полпути перехватят. Потому я, не снижая скорости бега, вскинул автомат и дал длинную очередь, метя в вожака стаи мышканов. Если удастся его срезать, глядишь, муты притормозят, а то и вовсе назад ринутся – не переживать и оплакивать, а жрать свежатинку, которая точно не будет отстреливаться, отмахиваться ножами, рвать зубами – словом, опасно и больно бороться за свою жизнь.

Однако вожак мышканов оказался невероятно шустрым. Он словно почувствовал мое намерение превратить его в решето и резко скатился со своего старого кресла, буквально поднырнув под очередь. В следующее мгновение он метнулся к нам так, что любой гепард позабыл бы. Его мелкая пристяжь еще только скакала по ступеням, а вожак одним прыжком преодолел половину расстояния, отделяющего нас от него...

В этот момент на меня прыгнул мышкан, наконец добравшийся до нас, и я отвлекся от вожака, срезав мелкую тварь очередью в упор. И сразу – еще двоих, после чего у меня закончились патроны.

Что ж, в этом случае автомат Калашникова ранних выпусков служит отличной дубиной. Отомкнутый пустой магазин с грохотом упал на пол – чисто чтоб не мешал. Я же перехватил АК за горячий ствол и сшиб следующего прыгнувшего на меня мышкана прикладом прямо в полете.

Наверное, со стороны это смотрелось эпично – сталкер в драной камуфле хреначит паскудных тварей автоматом, словно топором, шумно выдыхая при каждом ударе. Однако я прекрасно понимал, что долго работать в скоростном режиме дровосека у меня не выйдет – силы заканчивались стремительно. Да и тварей было больно много. Еще несколько секунд, и они просто задавят меня массой...

А еще краем глаза я срисовал вожака мышканов, который в результате второго прыжка приземлился прямо рядом с Томпсоном – и, протянув когтистую лапу, схватил полицейского за

плечо, при этом разинув неожиданно огромную пасть, смахивающую на двухчелюстную грейферный ковш экскаватора.

И тогда Джек закричал!

Совершенно не так, как орет от боли человек, которому в тело вонзились когти, похожие на кривые кинжалы.

Нереально громко.

И невыразимо страшно...

Так, что даже я, повидавший много кошмарного в различных вселенных Розы Миров, замер от ужаса.

Это был выброс концентрированного страха. Я выронил автомат из ослабевших рук, осознавая, что сейчас рухну на пол, так как ноги стали ватными и при этом тряслись мелкой дрожью.

Такого я не испытывал еще никогда...

И не только я.

Мышканы, жалобно скуля, расплзались кто куда – те, кто мог ползти. Большинство скрючились на полу, обхватив ушастые головы лапами и, наверно, моля своего повелителя даровать им смерть – ибо лучше она, чем страх, разрывающий нервы, от которого того и гляди мозг взорвется изнутри...

Но вожаку мышканов было не до своих подданных.

Он был занят.

Рухнув на пузо, огромная тварь обхватила лапами ноги Томпсона и лизала ему ботинки длинным раздвоенным языком.

Эта жутковатая с виду картина привела меня в чувство. Вонзив отросшие ногти в ладони, я справился со своим организмом, немного уняв дрожь в ногах: боль – лучшее лекарство от страха, после смерти, конечно, которая в подобных случаях избавляет от трясучки на сто процентов. И, справившись, первым делом перевернул автомат, вставил в него единственный оставшийся полный магазин и дослал патрон с единственным желанием прикончить мерзкую тварь. Кто знает, что у нее на уме? Может, она Томпсона на вкус пробует перед тем, как отобедать американцем, потому что сюда она неслась явно не с намерением почистить ему обувь своим языком...

Но вдруг Томпсон поднял на меня глаза и сказал:

– Нет.

Да-да, он смотрел прямо на меня практически в кромешном мраке и явно видел! В темноту так не смотрят!

Нет так нет. Его штиблеты, и ноги в них тоже его. Так что ему и решать, рисковать тем и другим или же фиг с ним, пусть вожак мышканов продолжает дегустировать его берцы.

Я опустил автомат. А Томпсон наклонился, потрепал страхолюдного мутанта по холке, словно домашнюю собаку, мягко высвободил ноги из его объятий и сказал:

– Пошли.

Тварь восприняла это на свой счет. Вскочила, вильнула хвостом, увенчаным нехилым таким костяным крюком. Кинь сейчас Томпсон ей сломанную старую кость, что валяется у него под ногами, – сбегает, принесет. Того и гляди, эта почти трехметровая скотина на ручки запросится.

Но Джек покачал головой.

– Нет. Ты оставайся здесь. А мне нужен идти.

Вожак мышканов заметно суксулся, по ходу испытав изрядный облом. Можно сказать, годами сидел тут, ожидая, когда ж придет настоящий хозяин, приласкает и позовет за собой. И на тебе. Как говорится, счастье было так близко, и вот опять.

Сказать, что я фигел от происходящего, – это ничего не сказать. Но Зона есть Зона, тут случается всякое, потому долго фигеть в этих местах не принято. И в чудеса верить тоже, даже если они совершаются прямо на твоих глазах. Потому я начал пятиться к воротам спиной, сжимая в руках автомат и держа в поле зрения вожака мышканов вместе со всей его скулящей шайкой.

Но предосторожности были напрасными.

Джек напоследок почесал своего нового питомца за ухом и тоже направился к выходу. Громадная тварина грустно смотрела ему вслед, того и гляди слезу пустит.

– Трогательно, мля, – тихо сказал я, когда Томпсон проходил мимо. – Как назовешь домашнее животное?

– Уходим, – так же тихо бросил Джек через плечо. – Быстро.

В подобные моменты я парень очень понятливый. Получается, мут не влюбился в Томпсона с первого взгляда, и эффект той странной симпатии временный. А это значит, что и правда нужно уходить. И быстро. Очень быстро...

Что мы и сделали – не бегом, но довольно резво. Мол, мы не сваливаем так, что только пятки сверкают, а просто очень торопимся.

Когда до ворот оставалось несколько метров, я сумел рассмотреть в ПНВ, как вожак мышканов, до этого грустно смотревший нам вслед, вдруг встряхнул башкой, словно отгоняя от нее назойливого шершня. После чего умильное выражение его препаскуднейшей хари резко изменилось на охреневше-злое. У меня оно такое же в зеркале по утрам, когда не выплюсь – или же когда мою офигеть какую крутую персону кто-то умело обведет вокруг пальца.

– Бегом! – выдохнул я.

– Бежать! – одновременно продублировал мне в ухо Томпсон.

И мы последовали советам друг друга. То есть рванули со скоростью двух фактически безоружных людей, которых преследует целая орава злощих мутантов.

А они – преследовали. Я давно не слышал такого яростного воя, смешанного с топотом десятков когтей по бетону за нашими спинами...

Но полуоткрытые стальные ворота с облезлыми звездами на створках были в сотне метров от нас. И, думаю, эту стометровку мы пробежали со скоростью олимпийских чемпионов. Проскользнули в щель – и, не сговариваясь, навалились на эти створки, которые, к нашему счастью, туго, со скрипом, но поддались.

Разумеется, засова на воротах не было. Но были две скобы для него, в которые мне пришлось засунуть автомат – больше ничего подходящего под рукой не нашлось.

И как только я это сделал, в ворота с той стороны ударила воющая толпа мышканов...

Однако ни черта у них не вышло. Мы с Томпсоном вдобавок подперли плечами стальные створки, так что твари обломились. Пару-тройку из них, самых шустрых, бегущих первыми, толпа муттов расплющила о ворота – мышканы только взвизгнуть успели, да кровь брызнула из щели между створками. А потом мы услышали треск разрываемого мяса, чавканье нескольких пастей и возмущенные вопли тех, кому не досталось свежатинки.

Это был наш шанс. Пока мышканы жрут задавленных сородичей, им точно не до нас. Так что несколько секунд у нас было. Может, и минута – или чуть больше, если приклад автомата сразу же не сломается под напором стаи мутантов.

Томпсон это тоже понял, когда одновременно со мной, тихо-тихо пятясь, отошел от спасительных ворот. А потом мы оба развернулись – и побежали по коридору, в котором уже не нужен был ПНВ, так как над нашими головами тускло горели «вечные лампочки», которые, как я выяснил недавно, освещают путь странникам Зоны за счет того, что пожирают время их жизни. Но сейчас я был вполне готов отдать несколько отведенных мне судьбой часов за то,

чтобы не споткнуться в темноте и не растянуться на бетоне, скользком от подземной сырости. Потому что если сейчас упасть, придется отдать всю жизнь.

Полностью.

Без остатка...

* * *

Горящий напалм, похожий на раскаленную лаву, просачивался через щели в бетонных перекрытиях потолка и медленно заполнял помещение лаборатории. Огненные лужи становились все больше, и оттого температура стремительно росла.

Приборы сходили с ума. Мигали красные лампочки, на экранах суматошно менялись показания, и механический голос из-под потолка монотонно гундосил:

– Внимание! Пожарная тревога! Всем срочно покинуть помещение!

Но те, кто лежали в автоклавах, не могли выполнить эту команду. На табло в изголовьях их стеклянных гробов застыли цифры «74 %», «77 %», «81 %»... Тела внутри автоклавов уже практически обрели форму, но были далеки до окончательной метаморфозы.

А напалма становилось все больше...

И потолок не выдержал запредельного жара.

Раздался звук лопающегося металла, и на потолке появилась длинная зигзагообразная трещина, которую немедленно заполнил жидкий огонь, свободно полившийся вниз. Потолок еще не обвалился, но это было делом времени – пока напалм не раскалит стальные прутья арматуры перекрытия до такой степени, что они просто порвутся, как пережженные нитки...

Жидкий огонь, ринувшийся вниз, щедро залил один из автоклавов, но толстое бронестекло выдержало нестерпимый жар.

Стекло.

Но не приборы...

На табло в изголовье автоклава началась чехарда цифр, перечеркиваемая вертикальными линиями помех. Автоклав был хорошо защищен от механического воздействия как снаружи, так и изнутри, но на запредельную температуру он рассчитан не был. И потому неудивительно, что на основном его экране внезапно начали мигать цифры «82 %», «83 %» – и сразу «87 %», «91 %»...

Не выдержав жара, крышка автоклава лопнула, покрывшись сеткой белых трещин. И, видимо, это доконало прибор, который показал «93 %», мигнул, выдал «100 %, процесс завер...» – и погас навсегда.

Напалм имеет свойство прилипать к поверхности, на которую попал, этим напоминая голодных мутантов Зоны – те, вцепившись в добычу, не разожмут челюсти до тех пор, пока она не умрет или покуда не сдохнут они сами. Но на этот раз неистовое пламя не успело прожечь испещренное трещинами бронестекло – и осталось без добычи. Потому что оттуда, изнутри стеклянного гроба, раздался мощный удар!

Здоровенный кулак пробил растрескавшуюся крышку, словно снаряд, разрушивший хлипкую броню. Если б рядом был кинооператор, снимавший фильм о Зоне, он поймал бы эпичный кадр – рука в черной перчатке прошибает верхнюю часть автоклава и замирает над ним на мгновение, словно некий символ всеразрушающей мощи...

Правда, то, что произошло дальше, вряд ли понравилось бы зрителям. Две половинки расколотой крышки упали на пол, и из автоклава вылезло чудовище.

Оно было похоже на огромного человека, с которого живьем содрали кожу, прошлись по живому мясу паяльной лампой – а потом на тело, представляющее собой одну сплошную рану со следами некроза от жестоких ожогов, наклеили фрагменты ржавого экзоскелета.

Чудовище посмотрело на буйство пламени в помещении – и хмыкнуло.

– Ну здравствуй, ад. Я так и знал, что ты будешь похож на Зону.

Потом провело лапищей по фрагментам брони, приросшей к телу, и покачало головой:

– Не понимаю, как автоклав воссоздает сталь. Хотя если эта ржавая рухлядь – часть меня, то, наверно, так и должно быть.

Со стороны это казалось странным – человекоподобное чудовище стоит посреди огненных луж и разговаривает само с собой. Правда, возможно, оно просто приходило в себя после скоростного воскрешения – даже для монстра возвращение из мертвых вполне могло оказаться тяжелым испытанием.

Однако он восстановился достаточно быстро. И осознав, что произошло на самом деле, хрустнул кулаками.

Ему повезло. Напалм залил его автоклав сверху, температура резко подскочила, процесс воскрешения ускорился – и прошел удачно. Возможно, потому, что вокруг матрицы, лежавшей внутри стеклянного гроба, успел сформироваться пусть ржавый, но все же экзоскелет, защитивший монстра от поджарки. А может, просто, как говорят в народе, здоровье позволило... Хотя какое может быть здоровье у существа, сердце которого перестало биться много лет назад?

– Возрождение мертвого из мертвых, – пробормотало оно. – Бывает же. Повезло. В отличие от...

Он посмотрел на автоклавы, под которые успело подтечь огненное озеро – и, как следствие, пережечь все провода и шланги, по которым в стеклянные гробы подавались специальные растворы и питательные вещества, необходимые для процесса воскрешения.

Матрицы в двух гробах – одна побольше, другая поменьше – уже успели потерять свою форму, почернеть и почти полностью растечься, превратившись в биомассу тошнотворного вида. То ли их первыми залило напалмом, то ли эти автоклавы просто по каким-то причинам отключили раньше.

В других автоклавах процесс разложения только начался. В одном тело уже практически сформировавшейся красивой черноволосой девушки местами неестественно сдулось и провалилось книзу, как у проколотой шилом надувной резиновой куклы.

В другом то же самое происходило с существом, напоминавшим большеглазого ушастого лемура.

В третьем процесс разложения почему-то шел интенсивнее – плоть уже превратилась в черную массу, из которой местами торчали кости неестественного серебристого цвета.

А вот до четвертого автоклава огненная лужа пока еще не добралась, метра полтора ей оставалось до переплетения трубок и кабелей, тянувшихся к нему. И на табло в изголовье стеклянного гроба подрагивала, грозя погаснуть, цифра «91 %»...

– Великая Зона... – пробормотало чудовище. – Он же не переживет этого... Не надо ему это...

Но в то же время в его голове, изуродованной кошмарной мутацией, зрело понимание – если он сейчас уйдет, то никогда не простит себе этого. Кому, как не ему, было знать, что муки совести намного страшнее смерти. Умирая, страдаешь недолго. А когда тебя грызет изнутри осознание, что ты мог, но не сделал, – вот это по-настоящему страшно.

Обожженный гигант шагнул к ближайшему автоклаву и мощным ударом громадной руки сшиб с него стеклянную крышку. После чего, схватив ее наподобие совка или большой лопаты без ручки, шагнул к луже горящего напалма.

Немыслимый жар ударил ему в лицо, но монстр лишь зло усмехнулся:

– То, что уже прожарено, сгореть не может, – проревел он – и, зачерпнув крышкой горящий напалм, плеснул его на автоклав.

Получилось не очень – вязкая субстанция прилипла к оторванной крышке, но какая-то часть жидкого пламени все-таки попала на автоклав. При этом оторванная крышка из бронестекла мгновенно нагрелась, став горячей, словно раскаленная сковородка.

– Хорошо! – проревел гигант, руки которого уже трещали от жара – это лопалась облупившаяся кожа на ладонях.

Но ему, похоже, было на это плевать. Раз за разом он зачерпывал напалм, швыряя его на автоклав, пока тот не оказался залитым огнем на две трети – и отбросил растрескавшуюся от жара крышку, лишь когда на табло цифра сменилась на «97 %» – и почти сразу превратилась в «100 %».

Тогда монстр со всей силы ударил ногой по автоклаву.

В другое время, возможно, стальной сапог и не причинил бы вреда гробу, сделанному из толстого бронированного стекла. Но сейчас он был раскален, и потому удара хватило для того, чтобы вдоль боковой стенки автоклава зазмеилась глубокая трещина.

Гигант с трудом оторвал от ладоней крышку, облепленную огнем, так как она неслабо приварилась к его рукам.

И ударил снова. Когда же от невыносимого жара и страшных ударов автоклав начал разваливаться, шагнул прямо к пылающему стеклянному гробу и выдернул из его недр существо, еще меньше, чем он, похожее на человека.

Тело существа было как у подростка, занимающегося легкой атлетикой: сухие мышцы, обвивающие щуплое тело словно лианы. А вот голова, полностью лишённая волос, – это было зрелище не для слабонервных.

Маленький рот, небольшой нос – все это могло принадлежать и человеку. Как и слепые глазницы, затянутые кожей. Правда, из них росли щупальца – длинные, сантиметров под двадцать, похожие на торчащие хвосты двух змей, прогрызших себе дорогу в голову существа.

А над этими щупальцами были глаза...

Один глаз большой, в середине мощного лба. Два поменьше – по бокам от него. И сверху в два ряда – еще шесть! И под каждым из них – небольшое щупальце, раза в два меньше самых нижних.

Гигант успел отойти от горящего автоклава лишь на несколько шагов, когда все девять глаз существа разом открылись.

– Где... она? – с трудом проговорил многоглазый мутант.

Гигант молчал.

Слегка замутненный взгляд девяти глаз почти мгновенно стал осмысленным. И – страшным. Настолько, что гигант не выдержал и отвел взгляд.

– Харон, где она?!!! – закричал мутант, и показалось на мгновение, что от его вопля испуганно присело, приникло к бетонному полу ревущее пламя, словно пытаясь спрятаться...

– Ее больше нет, – глухо сказал гигант по имени Харон.

И внезапно отлетел в сторону, словно в него в упор выстрелила невидимая пушка.

А многоглазый мут уже бежал к автоклавам, и от взгляда его мгновенно почерневших глаз разлетались в стороны напалмовые лужи, шлепаясь о стены и растекаясь по ним огненными кляксами.

Мутант же подбежал к автоклаву, внутри которого не осталось ничего, кроме черной лужи и грязного серебристого скелета, замер на мгновение – и застонал, завыл так, что любому живому существу захотелось бы немедленно оглохнуть, лишь бы не слышать этого душераздирающего стенания...

Но гигант оказался крепким малым. Хоть и ему стало не по себе от вопля мутанта, но он, поднявшись на ноги, нашел в себе силы подойти и положить свою лапищу на плечо убитого горем многоглазого существа.

– Крепись, Фыф, – сказал он. – Нужно уходить. С минуты на минуту рухнет потолок.

– Плевать, – проревел мут по имени Фыф. – Я удержу его силой мысли! Я должен остаться с ней!

– Ты же видишь, Насти больше нет, – терпеливо произнес Харон.

– Почему?! Почему ты спас меня, а не ее?!!

Когда тот, кто убит горем, задает вопросы – ему не нужны ответы. Ему нужен выброс эмоций... и тот, на кого можно свалить вину за произошедшее. Харон прожил слишком длинную жизнь для того, чтобы не знать этих простых вещей.

А еще он знал, что шамы из мира Кремля умеют не только создавать туманы, но и обладают ужасающей ментальной силой. Например, высшему трехглазому шаму ничего не стоит лишь представить, как живое существо разваливается на куски, – и это произойдет на самом деле. А когда тех глаз девять, то, наверно, достаточно одного неловкого движения мысли, всплеска отчаяния, и вся эта лаборатория будет погребена под тоннами бетона, находящегося над ней.

Поэтому Харон не стал отвечать, а лишь коротко, но сильно треснул кулаком по лысой макушке мутанта. А потом подхватил на руки обмякшее тело Фыфа и ринулся прочь из помещения, у которого предательски потрескивал потолок, грозя обвалиться с минуты на минуту.

* * *

Бег – дело хорошее. Особенно высокоинтенсивный, когда за тобой гонится стая кровожадных мутантов, которых только что одурачили. И лишний жир сжигает, и сердце тренирует – главное только, чтоб оно из груди не выскочило через рот. И размышления дурацкие из башки подобный бег вышибает тоже. Когда несешься вот так, сломя голову, жить охота прям до одури. Это потом придут тупые мысли на тему, зачем я небо копчу, и нафиг мне сдалось это мое Предназначение, и вообще на кой оно все мне надо...

А когда бежишь вот так, на скорости, предельной для человеческого организма, то точно знаешь – надо. Ох как надо! Потому что очень не хочется чувствовать, как десятки слюнявых пастей раздражают тебя на аппетитные кровотокающие фрагменты.

Мы неслись сквозь полумрак подземного коридора, едва рассеиваемый потолочными «вечными лампочками», рискуя споткнуться о выбоины в полу, которых было множество, и свернуть себе шею. Но, к счастью, впереди становилось все светлее. Правда, свет тот был немного неестественный – голубоватый и мерцающий.

И когда мы наконец добежали до его источника, то поняли – нет, не к счастью нам подарила Зона это освещение. А к большой беде...

Перед нами лежала аномалия. Огромная, занимавшая все пространство от стены до стены коридора. И вперед – метров на десять. Признаться, «ведьмина студня» таких размеров я еще не видел.

Эта жидкая гадость любит скапливаться в подвалах и подземельях. «Студень» имеет свойство размягчать плоть и кости живых существ, имевших глупость прибежать на ее мягкий, приятный глазу свет – и шагнуть в это озеро, которое гипнотически манит к себе, затягивает ритмичным мерцанием язычков голубоватого пламени, вырывающихся из него.

А потом из аномалии, извиваясь, выползает слизняк без намека на скелет. Конечности его резинового тела можно узлами завязывать, а на голову, лишенную черепа, лучше вообще не смотреть – можно на всю жизнь заикой остаться.

Такое вот свойство у этой аномалии, вытягивать кости из биологических объектов, при этом немислимым образом оставляя их в живых. Лучше б сразу убивала, тварь эдакая, а то ж потом несчастные существа часами, а то и днями мучаются, пока не умрут от голода. Мутанты им, кстати, избавление от такой жизни не дарят, и вместо того, чтобы убить и сожрать, бегут от «слизняков» как от чумы. Даже им страшно смотреть на такое...

– Ну вот и все, – сказал я, переводя дух. – Приплыли. У тебя вроде еще в «девятьсот одиннадцатом» патроны оставались. Если два есть – хорошо. Один тебе, один мне, больше и не надо.

Я знал, о чем говорил.

Позади нас пока еще приглушенно слышались рычание и визг, несущиеся из десятков зубастых пастей. И это значило лишь одно – мышканы все же сломали автомат, которым я заклинил ворота, и через пару минут будут здесь. А может, и раньше.

Но у нас еще было полно времени, чтобы застрелиться. Это гораздо лучшая альтернатива, чем превратиться в «слизняк» или быть сожженным заживо.

Я говорил, а Томпсон молчал, уставившись в «ведьмин студень». Понятно. «Отмычка» – он и есть «отмычка». Да и я хорош, не успел предупредить, что нельзя в эту пакость долго смотреть. Потому что позовет – и не будет сил противиться этому зову...

Хотел я уже было съездить полицейскому в ухо, чтоб он в себя пришел, – но не успел.

Джек сделал шаг – прямо в «студень».

И сразу же второй.

И третий...

Это был конец.

Аномалия мгновенно растворяла кости. Секунда – и их будто не было, конечность можно как пожарный шланг раскручивать.

Но почему же Томпсон продолжает идти?!!

И тут я заметил невероятное!

Аномалия расступалась перед полицейским! Синие язычки пламени металась по всей поверхности «студня», словно напуганные, растерянные зверюшки, не знающие, куда убежать от ужасной опасности. Правда, за полицейским озером цвета чистого неба смыкалось вновь почти сразу.

Почти...

Осознав это, я прыгнул через полметра уже восстановившейся аномалии, рискуя впечататься в спину Томпсона – но, к счастью, удержал равновесие и пошел за ним, ступая след в след, словно его тень – ожившая, обретшая плоть и решившая прогуляться.

Неприятное это ощущение, когда идешь по центру аномалии. Словно в раскрытую пасть к крокодилу залезть, чтобы его за язык подергать и посмотреть, что из этого получится. Нервы звенят как струны, первобытный ужас поднимается откуда-то изнутри, перехватывая дыхание железной рукой, по спине пот струится... Это от тебя не зависит, это твой организм реагирует на опасность, не принадлежащую этому миру. Кто-то говорит: мол, настоящий сталкер ничего не боится. Чужь собачья. Настоящий сталкер боится так же, как любой другой человек. Просто его Зона приучила усилием воли брать свой страх за глотку и, придушив, чтоб не рыпался, нести с собой – потому что избавиться от него полностью не получится. А вот научиться с ним, придушенным, ладить – это можно.

Аномалия явно чувствовала, что с ней что-то не так. Синее пространство вокруг нас пузырилось, из него в нашу сторону тянулись языки пламени – ветвистые, похожие на руки со множеством пальцев, – которые, не дотянувшись считанные сантиметры, опадали вниз, чтобы уступить место другим.

Однако ни один из этих языков нас не коснулся. Мы благополучно прошли через аномалию, которая с разочарованным чавканьем сомкнулась за нашими спинами.

Но облегченно выдохнуть было рано.

Стая мышканов вылетела из темноты коридора по ту сторону «ведьмина студня» – видать, не сразу разобрали, что это за свет, со зрением у подземных жителей не очень. Вожак неся впереди огромными прыжками, стая старалась от него не отставать. Однако все-таки успела затормозить, сообразив, что дальше бежать не стбит.

А вот вожак был намного тяжелее своих собратьев и вовремя остановиться не успел. Хотя пытался изо всех сил, до нас даже донесся скрежет его когтей по бетонному полу. Но как мышкан-переросток ни напрягался, все-таки передними лапами въехал в «ведьмин студень». Правда, извернувшись свечкой, тут же выскочил оттуда, упруго упал на четыре конечности – и рухнул, приложившись мордой об пол.

Передние ноги, лишённые костей, больше не держали его.

И голодная стая это поняла мгновенно!

Мышканы лишь несколько секунд смотрели на то, как их вожак извивается и беспомощно клацает зубами, пытаясь подняться на ноги.

А потом бросились.

Все, разом, как по команде.

И принялись рвать на части беспомощного вожака, который моментально превратился в добычу, как только потерял силу. Нормальная ситуация, причем не только для Зоны. У цивилизованных с виду людей на Большой земле то же самое.

Я отвернулся. Неприятное это занятие – смотреть, как еще не подошедшее существо жрут заживо, с треском отрывая от него куски мяса.

– Пошли, – сказал я Томпсону.

Тот с трудом оторвал взгляд от кровавого пиршества и потянулся за пистолетом. Понятное дело, собрался поиграть в благородство и пристрелить мутанта, чтоб тот не мучился.

– Не дури, – сказал я. – Он хотел тебя сожрать, а значит, милостей недостоин. Зона тебя не поймет, а тех, кто ей непонятен, она не любит. К тому же у нас с тобой сейчас каждый патрон на счету.

И, видя, что Джек мнетя, борясь с собственной порядочностью, добавил:

– Ему меньше минуты осталось. Сейчас они доберутся до горла, и...

Мою речь прервал предсмертный хрип. Хоть и не хотел я, а глянул.

Так и есть. В пасти вожака, почти перекушенный пополам, подышал мышкан, слишком рано решивший, что искалеченное начальство более не опасно. Однако на шее бывшего лидера висели еще трое тварей. Вцепившись когтями, они спешно отрывали куски мяса и глотали не жуя, справедливо опасаясь, что сородичи их опередят.

А потом один из этих мышканов изловчился и перегрыз вожаку горло...

В следующую секунду мертвое тело исчезло под массой визжащих тварей, грызущихся за наиболее аппетитные куски мяса. А мы с Томпсоном развернулись и ушли в полумрак коридора навстречу какой-нибудь новой гадости, которая точно должна быть впереди – иначе в Зоне просто не бывает.

* * *

Туннель вел куда-то... И, судя по тому, что идти становилось все труднее, он теперь довольно круто забирал вверх. Это обнадеживало, так как тащиться в полумраке, дыша сыростью и гнилью, уже порядком подзадолбало.

А может, я просто устал. Как последняя крысособака. Должен же быть какой-то предел человеческих сил... Похоже, Зона только тем и занимается, что испытывает меня на прочность, подкидывая все новые и новые проблемы. Или это все ради того, чтобы я книги писал о своих приключениях. Так сказать, Предназначение номер два. Хрен его знает. Но я – устал. От всего. И потому в какой-то момент просто подошел к стене, сел, привалился к ней спиной и закрыл глаза.

Какой же это кайф – сидеть вот так и ничего не делать. А главное – не думать о том, что твой нож может в любую минуту влезть тебе в руку, что в одном твоём предплечье спит пиявка

Газира, а на другом имеется сеточка старых, поблекших шрамов, которые вместе составляют рисунок крылатого диска – символ моего треклятого Предназначения...

Судя по шумному выдоху, Томпсон сел рядом. Тоже задолбался мужик, как физически, так и морально. Но – держится. Молчит, мысли в своей голове гоняет... А это вредно. Человек такое существо, которому в себе негатив держать противопоказано. Рано или поздно срыв будет, и тогда или запой, или психушка, или, если реально крепко прижало, и того хуже – попытка свести счеты с жизнью. Думаю, потому одинокие люди домашних животных и заводят, чтоб им про свои беды рассказывать. Громоотводы четвероногие, за которыми ухаживают как за собственными детьми – лишь бы слушали, преданно глядя в глаза. Потому Томпсона надо было разговорить, а то ж реально крышей мужик двинется, потеряв не только семью, но и надежду...

– Ну и как тебе? – поинтересовался я, не открывая глаз.

– Что как? – равнодушно спросил полицейский.

– Как оно – быть мутантом, умеющим криком подчинять кровожадных тварей и взглядом раздвигать аномалии?

– Никак, – тем же бесцветным голосом произнес Джек. И добавил: – Никак не могу верить... поверить, что я – мутант.

– Не напрягайся, говори по-английски, – сказал я на родном языке Томпсона. – Я понимаю.

И тут его прорвало.

– Знаешь, я дома часто доставал серебряную звезду, которую привез из России. Держал ее в руках, вспоминал, как я убил ту тварь. Как отомстил. И мне было легче. От нее шла энергия, которая немного успокаивала... Я ее чувствовал тогда, понимаешь? А утром убеждал себя, что этого не может быть, что это я все себе придумал. Может, уже тогда я стал мутантом? Или же это случилось здесь, когда меня убили?

– Тебя убили? – переспросил я. – То есть?

И Томпсон рассказал все. О том, как его обманули местные, как фатально ударили по голове в баре «Второе кольцо», как выбросили в Зону...¹

– Пульс у себя давно щупал? – перебил его я.

– Пульс? – Томпсон недоуменно посмотрел на меня.

И тут до него дошло.

Он положил пальцы левой руки на запястье правой, подождал. Нахмурился, надавил посильнее, потом дотронулся до сонной артерии...

И усмехнулся. Странная реакция для человека, который понял, что он ходячий мертвец.

– Ничего удивительного, – сказал он, расслабленно откидываясь на сырую стену. – Я давно умер. В тот самый день, когда увидел, что та тварь сделала с моей семьей. Эта аномальная зона просто все расставила на свои места. Одного не пойму – зачем она оживила этот сто-процентный труп? Заставила ходить, есть, пить, убивать... Скажи мне, сталкер, ты ведь знаешь ее изнутри гораздо лучше меня?

Я пожал плечами.

– Понять Зону невозможно. Уверен лишь в одном: она ничего не делает просто так. Значит, зачем-то ей нужен мертвый полицейский, которому она оставила весь функционал живого. Редкое явление, кстати. Ты, случайно, здесь, в Зоне, на себя никаких обязательств не брал?

Томпсон странно посмотрел на меня, медленно кивнул.

– Брал. Убить сталкера по прозвищу Снайпер.

– Ага, – сказал я.

¹ Подробно об этих событиях можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Закон Чернобыля» литературной серии «СТАЛКЕР».

Что ж, все действительно встало на свои места. Похоже, осточертел я Зоне. Слишком много чего в ней происходило из-за меня, что могло ей не понравиться. И она решила устранить проблему с присущей ей иронией – убить меня руками человека, который однажды спас мне жизнь. Забавно, в ее стиле.

– Ну и что же ты медлишь? – усмехнулся я. – Пистолет у тебя есть, патроны тоже. Обещания надо выполнять.

Томпсон покачал головой.

– Я не убийца. Я всю жизнь защищал закон и порядок, и убивать невинных людей не в моих правилах.

– Ну, не такой уж я невинный, – сказал я. – Те, кого я отправил на тот свет, запросто заполнили бы десяток кладбищ.

– Это не мне решать, – упрямо произнес полицейский. – Я не судья и не присяжные. Даже если все так, как ты говоришь, убивать тебя я не стану.

– А обещал зачем? – поинтересовался я.

– Когда тебя по башке приложат так, что ты копыта откинешь, много чего наобещать можно, – проворчал Томпсон. – Не в себе я был тогда.

– Зона накажет, – вздохнул я. – И страшно накажет. Не любит она, когда ее именем клянутся и потом не выполняют обещанное.

– Уже наказала, – сказал Джек. – Оставила жить в мертвом теле. Что может быть хуже?

– Может, – вздохнул я. – Хотя согласен – то, что уже есть, врагу не пожелаешь. Впрочем, это всяко лучше, чем валяться на земле в качестве трупа, который вот-вот начнут жрать мутанты. И если уж так Зона распорядилась, то надо жить – пусть даже мертвым. Так что пойдём, Джек Томпсон. Живыми ли, мертвыми ли, а выбираться отсюда нужно.

* * *

Он точно знал, куда идти. Знал – и все тут. У него так часто было. Знания приходили из ниоткуда. И он принимал это как должное, давно уже веря своему чутью на сто процентов.

Бывало, конечно, что и подводило оно его. Например, однажды он потерял своего брата. Потом свою группировку. Всех бойцов до единого. А потом погиб. Вернее, отдал жизнь сам, по доброй воле.

Но все это было неважно. Главное – он жив, хотя его существование сложно назвать жизнью. Но если он все еще существует, значит, он нужен Зоне, которую он чувствовал всегда так, как сын ощущает нежное внимание матери, даже когда ее нет рядом...

А если он нужен той, кто уже не раз возвращала его из мертвых, значит, он не разочарует ее. Значит, его группировка, которая много лет защищала проходы к центру Зоны, будет восстановлена. Если он вновь вернулся к жизни, значит, Зоне нужна защита ее сердца – а следовательно, у него есть цель, которой он добьется несмотря ни на что.

– Х-х-хррр...

У него никогда не было друзей. Но это существо, которое он сейчас нес в правой руке, словно полотенце, вызывало у него странное ощущение. Кажется, люди называют это чувством ответственности. Раньше он испытывал подобное лишь к своей группировке. Теперь же, рискуя жизнью, спас вот это уродливое существо из-за похожего ощущения.

Но, надо признаться, не только из-за него. Не только...

– Харр-он...

Он остановился.

– Что?

– Они же все, да...

– Да, Фыф. В живых остались только мы.

Снизу послышался всхлип.

Харон нес Фыфа без особого почтения, держа его поперек талии, в результате чего шам висел головой вниз. Говорить в таком положении неудобно. Рыдать и выть – тоже, поэтому Фыф сразу же, захлебнувшись собственными слезами и соплями, надсадно закашлялся.

Харон перевернул его, поставил на ноги и хлопнул по спине громадной лапицей.

Фыф икнул, выпучил все свои глаза, готовясь разразиться новым приступом кашля, но получил второй шлепок по спине. При этом из его рта вылетел комок слизи, закупоривший горло.

– Хватит меня лупить! – угрожающе зарычал шам.

– Бесишься? – равнодушно произнес Харон. – Это хорошо. Это лучше, чем раскисать, словно кусок дерьма под дождем. Такие, как мы, не ноют, а делают.

– Что я могу сделать? – зло сказал Фыф. – Моей Насти больше нет, и мне незачем жить.

– Не будь идиотом, – жестко сказал Харон. – Это Зона, и здесь возможно всякое.

– Что, например? – насторожился Фыф.

– Например, в центре Зоны существует аномалия, которая исполняет желания. Любые. Правда, делает это по-разному.

– Как это?

В голосе Фыфа послышалась заинтересованность.

– Некоторым она дает желаемое, отнимая у них при этом самое ценное, что у них есть. Свободу, зрение, здоровье, но чаще жизнь. Но тем, кто сумел понравиться Зоне, сделать для нее что-то значимое, та аномалия выполняет желания без страшной оплаты.

– К чему ты клонишь? – хмуро спросил Фыф.

– Помоги мне возродить мою группировку, которая раньше охраняла центр Зоны от всяких проходимцев. А потом я лично отведу тебя к Монументу.

– К Монументу?

– Так называется та аномалия.

Шам поднес ладонь к голове, потер лоб.

– Монумент... Что-то припоминаю... Нет, без толку. Как вылез из автоклава, будто половину памяти из головы стерло. А вторая половина Настей занята...

– Ну так что? – жестко перебил его Харон. – Поможешь? Мне пригодятся твои способности, шам.

– Помогу, – кивнул Фыф. – Но учти, Харон. Если твой Монумент не вернет мне Настю, я тебя убью. Не люблю, когда меня обманывают, а уж в таких делах и подавно.

– Договорились, – криво усмехнулся Харон, так, что кожа на обожженной щеке треснула. Он знал – Фыф может сдержать свое обещание. Но когда очень нужно, опасный союзник лучше, чем враг, который может тебя убить одним ментальным ударом.

– Отлично, – кивнул шам. – А теперь пойдём отсюда.

– Ты знаешь, где выход? – удивился Харон.

– Конечно, – пожал плечами Фыф. – Если я вижу на несколько километров вокруг, неужели ты думаешь, я не знаю, где выход из этого подземелья?

* * *

Ктулху его знает, где заканчивался этот проклятый коридор, но мы с Томпсоном внезапно почувствовали приток свежего воздуха. Подняли головы – и в полумраке разглядели прямоугольник вентиляционной шахты. При этом на полу возле стены валялись ржавые искоженые лопасти большого вентилятора и два старых ящика из-под цинков с патронами.

Понятно. Кто-то довольно давно закинул гранату в шахту, взрыв вышиб оттуда вентилятор, преграждавший путь. Потом этот кто-то поставил ящики друг на друга, залез на них – и, вероятно, выбрался из этого подземелья.

Повторить подвиг неведомого сталкера не составило особого труда. Через пять минут мы уже ползли по довольно широкому рукаву шахты, подальше от затхлой вони подземного коридора – навстречу хорошо знакомым запахам Зоны, замешанным на миазмах болота, вони мертвечины и сырости хмурого утра. Тоже букет еще тот, но он хоть легкие не забивает вонючей сыростью, которой того и гляди захлебнешься.

Томпсон негласно полностью признал мое лидерство и отдал мне свой фонарик, потому я полз впереди, освещая пространство перед собой...

И почти сразу наткнулся на полуистлевший труп того сталкера, который расчистил нам путь в шахту. Похоже, парень был ранен и умер от кровопотери на полпути к свободе. Нормальный вариант, кстати. Лучше уж вот так, борясь за жизнь, чем в плену у безумных ученых, дожидаясь своей очереди для следующего бесчеловечного опыта во имя науки.

Правда, для того, чтобы продолжить движение вперед, мне пришлось, изловчившись, достать «Бритву» из ножен и разрезать мертвеца на несколько кусков – иначе нам с ним было не разминуться в шахте. Неприятное, конечно, занятие, но делать нечего – особенно когда за тобой ползет габаритный напарник, плечи которого едва поместились в квадратной трубе.

– Прости, сталкер, – прошептал я, погружая нож в плоть трупа. – Тебе уже все равно, а нам как-то выжить надо...

Когда я закончил, совать нож обратно было несподручно – руки были все в черной, вязкой жиже, которая когда-то была человеческой плотью. Поэтому я мысленно представил, как мой нож, как всегда на удивление чистый после грязной работы, вползает в мою руку.

И он вполз! Больно было, конечно, когда рукоять входила в ладонь, аж перед глазами черные круги замелькали – но дальше оказалось терпимее. Еще немного, и я привыкну быть ходячими ножнами для своего ножа.

Протиснувшись меж частями расчлененного трупа, мы поползли дальше – и на этот раз все обошлось без приключений. Примерно минут через пятнадцать впереди забрезжил свет. Ага. Значит, система принудительной вентиляции разрушена авиаударами и мне не придется своей «Бритвой» разбирать ее на фрагменты – мы просто вывалимся отсюда в Зону. Вот и ладушки, вот и хорошо.

Правда, получилось вовсе не так волшебным, как мне хотелось.

Мы с Томпсоном вылезли из разрушенной вентиляционной шахты, шурясь от жиденьких рассветных лучей, пробивавшихся из-за горизонта, – когда столько времени проведешь в полумраке, и такой свет покажется прожектором, бьющим прямо по глазам.

В общем, мы усиленно жмурились, вновь привыкая к скудному сердцу Зоны и пытаюсь быстрее восстановить зрение – и потому не заметили опасность. А если бы и заметили, все равно не смогли б ничего сделать.

Они вышли из-за развалин научного комплекса. Я пока еще не мог как следует рассмотреть, кто это такие, но силуэты различил. И, судя по их характерным движениям, руки у силуэтов были заняты оружием, направленным на нас.

– Стой и не дергайся, – негромко сказал я Томпсону, который по привычке потянулся было за своим пистолетом. Патронов у него там хорошо если полмагазина осталось, и с учетом того, что мы сейчас видим хреновенько, положат нас тут на раз-два-три. И «Бритва» моя не поможет – совсем в ней сияния не осталось, а значит, смертоносных спецэффектов от нее ждать не имеет смысла.

– Стоять нах! Руки на затылок, мля! – проревел один из силуэтов, давя голосом на матюги и гласные, как это любят делать правоохранители и спецслужбы при задержании преступни-

ков. Это у них называется «кошмарить злодея», и подобную манеру речи ни с чем другим не спутаешь.

Ну встали мы, руки положили куда было сказано. К счастью, Томпсону хватило знания русского языка и здравого смысла, чтобы сделать все как надо. Попутно я проморгался и наконец ясно увидел, кто нас в плен взял. Даже шеврон на рукаве горластого бойца рассмотрел, на котором помимо трезубца, самолета и парашюта было вышито «Україна. Війска спеціального призначення».

Ясно-понятно. Стало быть, вояки за ученых взялись серьезно. Мало того, что центр Захарова с землей сровняли и напалмом залили, так еще и спецназ на парашютах скинули, чтоб зачищал тех, кто вылезет из подземелья и попробует сопротивляться. А если не попробует, то заковывать супостатов в наручники – и на Большую землю для допросов с пристрастием. Неважная такая перспективка, мягко говоря.

Парней было человек десять – и это понятно. Именно столько влезает в АН-2 – самолет надежный, неприхотливый и недорогой, который если и сгинет в небе над Зоной, то не жалко. Расходный материал для местных генералов – как и десант, кстати.

Бойцы были все как на подбор – здоровенные и молодые, небось, только из учебки. Таким командир скажет «фас», так они с голыми руками на ктулху пойдут. Оно и понятно. Самый лучший солдат – восемнадцатилетний солдат. Для него смерть – это просто слово, никоим образом к нему не относящееся. Молодые всегда уверены, что будут жить если не вечно, то очень долго.

Но здесь, в Зоне, это распространенное заблуждение лечится очень быстро.

Парни грамотно рассредоточились, держа нас на мушках своих автоматов, а молодой сержант бросил к нашим ногам две пары жестких наручников с шарнирным соединением.

– Пакуйте друг друга, нах! – скомандовал он. – И без фокусов, мля, если жить хотите!

Ему явно нравилось командовать. Власть имеет свойство дарить кайф не хуже самой крутой дури и вызывает столь же быстрое привыкание. Подсел раз на нее – и все, соскочить уже ой как трудно. Хочется еще и еще, и ничего вокруг не замечаешь, кроме того, как люди, повинаясь твоему голосу, жесту, взгляду, исполняют волю высшего существа, наделенного правом повелевать.

Я нагнулся, неторопливо поднял стальные браслеты, при этом глядя в сторону сержанта. Ему, наверное, казалось, что я уставился на него с ужасом, как кролик на удава, – грязный сталкер, мерзкое существо, на которое даже наручники надеть противно. А я смотрел на восход, который стремительно разгорался за спинами военных. Слишком алый даже для Зоны, где кровавые рассветы не редкость, а почти что правило. И слишком быстро окрашивающий тучи, превращая их в сплошное багряное полотнище, раскинувшееся над Зоной.

И было еще одно. Этот жуткий с виду восход разгорался не на востоке, как заведено природой. Его эпицентр явно был немного севернее – там, где за сплошной стеной корявого мутировавшего леса над линией горизонта возвышалась знаменитая труба Третьего энергоблока.

И уже ясно было, что не восход это, а выброс. Загадочное смертоносное явление, волна неведомой энергии, вырывающаяся порой из недр разрушенного реактора и повторяющая путь радиоактивной пыли при аварии на ЧАЭС в 1986 году. Спасти от него можно было, зарывшись ниже уровня земли, скорчиться в любом старом подвале, в любой яме, и переждать, пока над тобой пронесется губительный вихрь цвета крови. Также для этого подходили здания, сохранившиеся со времен той давней аварии – их выброс почему-то обходил стороной...

– Я что сказал, мля?! – заорал сержант, видя, что я медлю выполнять его приказание.

– А ты не ори, а лучше скажи – жить хочешь, капрал? – спокойно сказал я, роняя наручники в грязь. – И пацанов своих спроси – они как, не против к мамкам вернуться или предпочитают погибнуть смертью храбрых?

Сержант, не ожидавший подобного монолога от пленного, сделал шаг вперед, заноса автомат, чтобы ударить меня прикладом в лицо, – и внезапно замер.

Почувствовал, солдафон толстокожий. Лучше поздно, чем никогда.

Это все чувствуют. Беспричинный страх, появляющийся внезапно, заставляющий каждый нерв вибрировать, словно натянутая струна, по которой щелкнули ногтем...

Военный резко обернулся – и, надо отдать ему должное, среагировал правильно. Другие в подобной ситуации стоят в ступоре, открыв рот, и, мысленно попрощавшись с этим миром, думают только об одном – лишь бы все случилось быстро и не больно.

– Все в вентиляцию! – заорал он, ткнув пальцем в разрушенную шахту, откуда только что вылезли мы с Томпсоном.

Что ж, это и правда было единственное укрытие в обозримом радиусе. Кругом развалины научного центра, и чуть поодаль от них – вот эта шахта, ведущая вниз. Под землю. Туда, где выброс не достанет...

Правда, сержант не учел одного. Его бойцы тоже увидели, что на них надвигается, и ринулись спасаться.

Все одновременно.

Они толпой ломанулись к шахте, распахивая друг друга локтями. Молодые, сильные, тренированные – но ни разу не побывавшие в реальном бою, где от взаимовыручки зависит, выживешь ли ты вместе с напарником, или вы оба погибнете.

Но сейчас они думали лишь о своих жизнях. Каждый старался залезть в вентиляцию первым, и в результате возле шахты возникла толкучка, мгновенно превратившаяся в драку. Напуганные люди часто превращаются в зверей, рвущих собратьев по стае ради призрачной надежды остаться в живых.

Моментально стало ясно, кто что из себя представляет. Самый здоровый из команды в первую же секунду рухнул как подкошенный, словив краем челюсти мощный удар кулаком. Еще один боец согнулся в поясе от того же... Надо же, обоих вырубил невысокий коренастый парень с погонами рядового, который махался на уровне не меньше кандидата в мастера спорта по боксу.

Правда, с третьим ему не повезло. Один из бойцов отпрыгнул назад и срезал боксера очередью из автомата. А потом еще двоих, стоявших на пути к полуразрушенному вентиляционному колодцу, после чего рванул туда сам...

Но не добежал. Сержант, вскинув автомат, прицельно вогнал ему пулю в затылок. Молодец, кстати, для своего юного возраста – так стрелять на нервяке не каждый сумеет. Хороший бы из него сталкер мог получиться...

Но не получился.

Потому что нас накрыл выброс...

Это было похоже на невидимое цунами, которое всех швырнуло на землю, придавило к ней многотонной массой, грозя расплющить, превратить в лужи из раздавленного мяса... Мне приходилось умирать, и я знаю это ощущение, когда из тебя словно выдирают провода, по которым течет жизнь, и ты вот-вот погаснешь навсегда, как перегоревшая электрическая лампочка...

Я не знаю, сколько длилось это мучительное ощущение – секунду или несколько часов. Адская боль, пронизывающая все тело, притупляет чувство времени...

Но внезапно мне стало легче.

Отпустило...

Все? Я умер?

Ответ пришел незамедлительно – рядом со мной раздался стон. Ага. Если это не грешник-сосед по вечным мукам в аду, то, видимо, я все еще жив... почему-то.

Ибо под выбросом не выживает никто.

Я открыл глаза. Все тело словно окаменело, и это простейшее движение далось мне нелегко, отозвавшись неслабой болью в веках. Но я ко всяческим мучениям привычный, поэтому просто подождал, пока рассосутся красные пятна перед глазами – и увидел Томпсона.

Полицейский лежал на земле, скорчившись в позу эмбриона. Его бил озноб, но это дело поправимое. Главное – живой и вроде не раненый. Странно. Даже более странно, чем то, что я жив. Меня, может, Зона пощадила, все-таки я оказывал ей некоторые услуги, да и я ее Легенда вроде как. А Томпсон фактически «отмычка», никаких особых заслуг у него перед Зоной нету, потому объяснение может быть только одно. Причем равнозначное для нас обоих.

Мутанты под выбросами не умирают. Зона щадит своих детей – в отличие от людей, которых, похоже, считает заразой, прижившейся на ее теле. И потому так или иначе старается уничтожить. Аномалии, мутанты, выбросы, пули конкурентов – все против нас, сталкеров, которые хоть все в той или иной степени мутанты в зависимости от того, как долго они шатаются по зараженным землям, но от всего вышеперечисленного дохнут так же, как и самые обычные люди.

Однако я знал лишь об одном случае, когда человек выжил под выбросом. Хотя... не человек, конечно. Мутант-псионик, родившийся в один день с городом Припять, только человекообразный. С первого взгляда и не поймешь, что мут рядом с тобой. Сталкер и сталкер, каких много по Зоне шарится...

А теперь, стало быть, получается, что таких мутантов трое. Я – и, что удивительно, импортный полисмен-«отмычка», которому по всем канонам первому положено в Зоне помереть.

Но – не помер.

Как и я...

Не думал я, конечно, что стал настолько не-человеком, которого выброс не берет. Но, с другой стороны, вряд ли это повод грустить. Потому что я жив, а вокруг меня – трупы, каждый из которых пережил алый смертоносный вихрь по-своему. У одного череп лопнул, мозги вывалились наружу – как и глаза из глазниц, что свешиваются с лица на ниточках нервов. У второго живот разорвало и обрывки кишок из него на метр выбросило. Третьего вообще расплющило в кровавую кляксу. Жуть, конечно, но это – Зона, где я и пострашнее смертей насмотрелся.

А вот двое бойцов просто умерли. Ни ран, ни даже синяка. Лежат себе, будто заснули, только не дышат. И у одного за спиной канистра литров на двадцать, причем я точно знаю с чем. С обеззараженной водой для всего отряда. Очень уж бойцы с Большой земли опасаются местную воду пить, что, впрочем, и правильно. Попьешь из ручья – глядишь, и под выбросом выживать начнешь, а это уже вообще ни в какие рамки.

Два мертвых бойца в нулевой униформе и канистра с водой весьма меня вдохновили. Настолько, что я, преодолевая адскую ломоту в теле, поднялся на ноги, подошел к мертвецу, отстегнул у него со спины тяжелую стальную емкость, проверил, точно ли вода, – и, увидев, что не ошибся, принялся стаскивать с себя одежду. Вернее, те лохмотья, что от нее остались.

Что на войне, что в Зоне у бойца удовольствия одни и те же: поесть побольше, поспать подольше и помыться – хоть как-нибудь. Потому что когда все тело свербит и воняет, то и еда не в удовольствие, и сон так себе. В моем же случае я не вонял, а смердел хуже давно разложившегося трупа. Так, что если принюхаться, то можно банально задохнуться, как от отравляющего газа.

Стирке то, что на мне было надето, не подлежало, потому было просто брошено на траву. После чего я нашел в рюкзаке мертвеца кусок советского хозяйственного мыла и, черпая воду трофейной алюминиевой кружкой, принялся мыться по-военному. То есть хоть как-нибудь.

Пока я, крихтя от счастья, отскребал с себя чужую запекшуюся кровь и свою засохшую блевотину, Томпсон перестал стонать и, понемногу разогнувшись из эмбриональной позы, поднялся на ноги. Шатало его изрядно, но это явление временное. Главное – живой. Хотя вряд ли

втыкающий, что тут вообще произошло и почему не он валяется на земле с пулей в черепе, а те, кто собирался ему эту пулю вогнать между глаз.

– Почему... они мертвые... а мы живые? – еле ворочая языком, поинтересовался полисмен.

– Ты для начала автомат возьми и разберись, как из него стрелять, – посоветовал я. – И будь человеком, посторожи, а то я уже задолбался одновременно мыться и смотреть на триста шестьдесят градусов, того и гляди глаза в разные стороны расползутся.

– Я умею стрелять из автомата Калашникова, – с ноткой уважения в голосе произнес Томпсон, забирая из рук одного из мертвецов его оружие. Ишь ты, какой продвинутый полисмен! Кто бы мог подумать.

Я потратил минут двадцать и всю воду из канистры, отскребая с себя вонючую грязь. Не кончись вода, я б еще скребся. А так пришлось довольствоваться тем, чего добился – уж лучше вонять старым мылом, которое солдатам Призонья выдают до сих пор, чем мертвечиной.

А потом я начал одеваться.

Томпсон с долей брезгливости смотрел, как я снимаю одежду с трупов и надеваю на себя то, что лучше подойдет. Пусть смотрит, думая обо мне что угодно. Когда на войне берешь у мертвого врага необходимое – это трофей, не более того. А Зона – это каждодневная война на выживание. И без трофеев тут выжить просто не получится.

Мертвецы как на подбор были парнями крепкими, самая маленькая камуфля оказалась мне на размер больше. Ничего страшного, бывало уже такое однажды, и я с того времени вообще привык к свободной униформе – ноги лучше летают, если надо кому-то в челюсть берцем зарядить, да и вообще двигаться удобнее. С берцами тоже повезло, нашлись прям точно по размеру, причем слегка разношенные, что однозначно в плюс.

Ну и автоматы «нулевые» тоже весьма порадовали. Хоть Томпсон и воротил свой фейс в сторону от того, насколько привычно и, можно сказать, обыденно я собираю хабар, но трофейный АК ему явно понравился. Вообще прикольно со стороны смотреть на мужика, которому в руки попало хорошее оружие, – хмурит сосредоточенно брови, весь такой деловой, но видно, что того и гляди слюну пустит от счастья. Это нормально, все мы такие, и я не исключение.

Закончив с экипировкой, я собрал с земли стреляные гильзы, которыми промеряю подозрительные участки с гипотетическими аномалиями, сунул еще теплые цилиндрики в карман и кивнул на трупы:

– Если ты не в курсе, хоронить их не будем...

– Я знаю, – перебил меня Томпсон. – Зона похоронит.

– Ишь ты... – слегка удивился я. Как быстро вчерашняя «отмычка» превращается в матерого сталкера...

И призадумался.

На этот раз уже о себе.

Итак, друзей мне спасти не удалось. Жаль, до внутреннего крика, до адской боли, раздирающей душу... Но это – судьба. Зоне не было угодно, чтобы сбылось мое желание, – значит, ничего не поделаешь, так тому и быть. И теперь возникает вопрос: что делать мне? Человеку, у которого Зона отняла единственную цель в жизни. Если нет ее, цели, то какой смысл дальше небо коптить? Мне порой напоминают насчет моего Предназначения уничтожить зло, нести добро... Чушь это все крысособачья. То, что одному – зло, для другого добро, и наоборот. Если это осознать, то однажды придешь к тому, что ты, носитель некоего абстрактного добра, никто иной, как просто убийца. Душегуб, оправдывающий свое маньячество высокопарными речами и придуманными принципами...

– Это не так, – сказал Томпсон.

– Что не так? – не понял я.

– Ты задумался и говорил вслух, – пояснил полицейский. – Добро не абстрактно. Оно конкретно. Когда я стреляю в дилера, из-за которого дети становятся наркоманами, я не сомневаюсь, правильно я делаю или нет. Когда я убиваю бандита, зарезавшего женщину ради сотни баксов, я уверен, что прав на все сто процентов. Я дал клятву своему народу служить ему и защищать его от всякой мрази. Это мой закон, которому я следую и буду следовать, даже если ради этого придется лишать жизни тех, кто ее недостоин.

– Красиво сказал, – кивнул я. – И личный закон у тебя хороший. Но я так скажу – нечего тебе делать в Зоне, Джек Томпсон. Ты там нужен, у себя дома. Здешняя грязь – не твоя, и разгрести ее – это не твое дело. Каждый человек хорош на своем месте.

Полицейский покачал головой.

– Не человек я. Мутант, ты ж сам сказал. Не примут меня обратно... таким.

– Не согласен, – хмыкнул я. – Если твой начальник не идиот, ему точно пригодится полисмен, способный одним лишь окриком посадить на задницу любого преступника.

– Может, ты и прав, – с ноткой тоски в голосе проговорил Джек. – Но все равно не выйдет. Я понятия не имею, где нахожусь, и вряд ли найду выход из Зоны.

Хмм... Ведь он прав. По-хорошему, Томпсону на север надо, к Стене, которую охраняют его земляки. И если идти к ней кратчайшей дорогой, то придется миновать как печально известную Чистоголовку, так и гораздо более знаменитые в этом плане Янов и Припять. То есть прогуляться в непосредственной близости от ЧАЭС, которая словно магнитом притягивает к себе всякую нечисть.

– Вот оно как, значит, – медленно проговорил я.

– Ты о чем? – поинтересовался Томпсон.

– О том, что, по ходу, придется мне тебя проводить до Стены. Думаю, этот подвиг мне Зона зачтет как Долг Жизни за то, что ты спас меня в тот день, когда я должен был убить того, кого убил ты.

– Если ты про ту тварь, что убила мою семью, то ты мне ничего не должен, – сказал Томпсон. – Это была моя месть. И только моя.

– Это твое мнение, – отозвался я, нажав голосом на «твое». – У меня оно иное. Ну что, долго мы тут стоять будем? Тебе в Америку надо, служить и защищать, у меня тоже дел куча. Потому нечего время терять, пошли уже.

– Куда? – слегка опешив от моего напора, спросил Томпсон.

– На север... – сказал я.

Представил, что меня ждет во время этого путешествия, скрипнул зубами и повторил:

– На север.

* * *

– Ты, Енот, по ходу с дуба рухнул! Хезать там, где хаваешь, ни разу не по понятиям!

Бандит с узким лицом, действительно похожий на лесного грызуна, широко ухмыльнулся, показав два ряда мелких зубов.

– Понятия на батон не намажешь, – сказал он, погладив ствол обреза, лежащего на коленях. – Так что ты, Кирпич, жало завали, блажишь не в кассу. Третий день Зону топчем, и все без хабара. При таком раскладе любая тема годная, иначе завтра будешь рукава своего клифта глотать с голодухи.

– Это ты, Енот, реальную тему толкнул, – подал голос третий бандит, вольготно развалившийся у костра, самый плечистый из собравшихся – похоже, вожак небольшой группы ловцов удачи. – Отколоться от Индуса и рвануть со свалки дело, конечно, лихое, но чет фарт босяцкий мы с собой из крепости, по ходу, не унесли. А фарт – он как бабло, к филонам не липнет.

– Братва за такое спросит, – нерешительно сказал Кирпич, обладатель широкой красной физиономии и квадратной челюсти, за которую, возможно, к нему и прилипло характерное погоняло.

– Теперь мы сами себе братва, – невесело хмыкнул вожак по прозвищу Вольт. – Сами с себя и спросим за косяки наши. Остальные нам не указ.

Три дня назад он конкретно повздорил с Индусом, который, вернувшись с болот, вновь стал у руля группировки бандитов. Только не всем это понравилось. Станный он стал, Индус тот. Злой как ктулху, нервный какой-то. Чуть что не так – за ствол хватается, одному пацану за мелкую провинность башку прострелил и пояснил, мол, так с каждым будет, кто что-то вякнет против воровского хода. А ход тот, по всему видать, это не понятия бандитские, которым лихой люд веками следует, а его, Индуса, личные хотелки и закидоны.

Также странно было, что он широкий шарф стал носить, будто у него шея мерзнет, словно мордомаз какой с Большой земли. По самый подбородок закутается и ходит, шалым взглядом водит по сторонам, будто крыша у него съехала напрочь. Пацаны поговаривали, что он на болотах Катара, брата своего грохнул, оттого у него чердак и протек. Похоже, так оно и было, потому что Катара с той поры никто не видел.

В общем, взвесил Вольт все за и против и решил, что на фиг ему не уперлась перспектива поймать башкой маслину из-за того, что у Индуса перемякнет ни с того ни с сего. Подговорил он двоих дружков, и ночью они все вместе дернули со свалки. Ну а чо? Куча одиночек по Зоне шастает, хабар добывает не в общак, а для себя, что, положи руку на печень, намного интереснее. Да и когда сам себе пахан, житуха всяко круче, чем если под кем-то ходить...

Правда, с вольной жизнью у троицы не заладилось.

Вояки с КПП «Вильча» конкретно начали бычить на ученых с озера Куписта. Небось, думали, что яйцеголовые – беспомощные терпилы, которых передавить как два пальца об асфальт.

Но изрядно просчитались и на Куписте как следует получили по ушам. Но не откатились, психанули – и началось...

Зарево пожара над Купистой было видно со всех уголков Зоны, плюс свободная радиостанция Зоны из каждого вшивого КПК гундела о том, что происходит... В общем, по совокупности факторов все это сыграло с отступниками злую шутку.

Обитатели Зоны попрятались кто куда, не желая участвовать в крупной разборке. И не только мутанты, но и сталкеры-одиночки, которых на гоп-стоп брать одно удовольствие. Артефакты, которых в Зоне становилось все меньше, вообще будто черти с квасом съели. За три дня ни одного не попалось, даже вшивого «этака». А запасы жратвы, которые были взяты с собой, подошли к концу – на следующий день только позавтракать пара консервов осталась да половина фляги с водой. И – все. Хоть того же Кирпича на шашлык пускай...

И тут Енот толкнул идею – бомбануть торговца, который скупал у бандитов хабар, а после увозил его на Большую землю. Ну и, соответственно, потом возвращался с Большой земли, затаренный жратвой, чистой водой, спиртным, шмотом и дефицитным оружием, которого в Зоне не достать.

Понятное дело, была у того торговца охрана, но дело не в этом. Барыг в Зоне трудилось не так уж много, и они были табу для всех сталкеров. Друг друга грабь, мочи, делай что хочешь – никто тебе ничего не предъявит, кроме тех, в чьей группировке состоял ограбленный и замоченный. А вот того, кто наедет на любого торговца, обязан убить каждый, кому преступник попадется на пути. Такой вот простой и немудрящий закон Зоны, один из многих. И оправданный полностью.

Барыги в Зоне всегда на вес золота. Без них где брать патроны, нормальные продукты, экипировку? Да и хабар скидывать – кому? Артефактами сыт не будешь, и даже если поднял ты знатный хабар, как с ним пробираться через ряды колючей проволоки, которыми опоясана

Зона? А у торгашей с охраной кордонов всегда все схвачено. У других кордонные взятку за проход и не возьмут, а лучше пристрелят – никому из них неохота под тяжелую статью попадать.

Но положение было безвыходным, и Вольт согласился на предложение Енота. Отступники знали – сегодня ночью Челюсть, торговец группировки бандитов, пойдет с Большой земли обратно в Зону через КПП «Дитятки», и с ним, как всегда, будет дефицитный груз. И где пойдет, тоже знали. Беспрепятственно проедет через строго охраняемые, но перед ним распахнувшиеся ворота «Дитяток», потом нагло двинет вдоль кордона, на виду у всех пулеметных вышек – так безопаснее, вдруг какой мутант из Зоны выскочит. Продефилирует мимо магазина Жмотпетровича – пусть конкурент побесится, наблюдая за ним через свой перископ – и дальше по раздолбанному шоссе к крепости бандитов.

– На болотах его возьмем, – сказал Енот, ткнув грязным пальцем в КПК, где была отображена карта Зоны. – Как лабаз Жмота проедет, вот тут в камышах его по-тихому и завалим. Гоп-стоп, перо под ребро – и из пешек в дамки! Самого Челюсть и его пристяжь притопим в трясине, хабар возьмем – и ноги. И слух пустим, мол, Жмотпетрович со своими кибам бандитского барыгу грохнул. А че, кто не поведется? Они друг с другом давно в контрах.

– Гладко рисуешь, Енот, – покачал головой Кирпич. – А если спалимся?

– Спалимся – значит, маслин наловим, – жестко сказал Вольт. – Если же будем тут булки отсиживать, то с голодухи ласты протянем. Куда ни кинь – везде кранты. Так что лучше по босяцкому делу в ящик сыграть, чем от пустой кишки загнуться.

– Годно излагаешь, большак! – восхитился Енот.

И даже Кирпич, хлопнув широченной ладонью по колену, изрек:

– Гори оно все «ведьминым студнем»! Я с вами, братва!

* * *

До зарослей мутировавших камышей, густо росших по краю болота, троица добралась к вечеру.

– Кажись, не спалились и не наследили нигде, – шепотом проговорил Енот.

– Не каркай, фарт спугнешь, – бросил через плечо Вольт, всматриваясь в серый туман, постепенно сгущающийся над старым шоссе и становящийся похожим на вату, пропитанную чернилами. Если Челюсть решит ночью поехать, то кранты затее – в темноте без ПНВ не постреляешь. А торговец на такой подвиг вполне способен, ибо до крепости бандитов отсюда всего-то пара километров.

Но сегодня, похоже, судьба повернулась лицом к отступникам.

– Пацаны, по ходу, ливер колеса катит, – шепнул Кирпич, отличавшийся хорошим зрением.

И правда, в пелене тумана наметилось движение.

– Не мандражуем, братва, – подбодрил Вольт свою немногочисленную группу. – Как вылезут, шмаляем по моей отмашке...

Между тем из тумана вышло странное существо, похожее на механического осла без головы. Осел без особого напряжения тащил за собой четырехколесный автоприцеп с грузом, накрытым тентом. Поверх тента восседал Челюсть, держа на коленях автомат, а по бокам прицепа шествовали четверо бойцов группировки в черно-коричневых бронекомбезах. Эту защиту Челюсть просто покупал у наймитов, перекрашивал и продавал бандитам с небольшой наценкой. В целом броня была неплохая, одна беда – наймиты не продавали Челюсти тактические шлемы. Они вообще сейчас в Зоне были дефицитом, так как на Большой земле закрылся завод, где их производили, потому головы пристяжи Челюсти были защищены лишь стальными полумасками, прикрывающими нижнюю часть лица, и пуленепробиваемыми очками.

– Работаем по башням! – бросил Вольт, лоя в прицел автомата переносицу первого справа охранника. Очки, конечно, защита неплохая от пули, летящей под углом. Но бронебойную «семеру», выпущенную из АК, им не остановить...

Указательный палец выдавил две трети слабины спускового крючка... и вдруг остановился. Ни туда, ни сюда.

Первым делом Вольт подумал, что автомат дал клина так не вовремя, но в следующее мгновение осознал, что заклинило его самого и его товарищей тоже. Они просто превратились в статуи из плоти и крови, живые памятники самим себе, способные лишь смотреть вперед и пытаться осознать произошедшее.

Странно, но с пристязью Челюсти было то же самое. Охранники внезапно замерли не месте, словно окаменели. Один даже застыл на мгновение с приподнятой ногой, оторвавшейся от земли для следующего шага, который так и не был сделан, – и, не удержав равновесия, грохнулся на правый бок.

Челюсть тоже застыл на своем товаре, лишь механический осел, которого барыга выторговал у американцев с северной Стены – он у них служил для транспортировки продовольствия и боеприпасов, – продолжал тащить за собой прицеп.

В это время из рожицы кривых, изуродованных Излучением деревьев, что росли неподалеку, вышли двое. Гигант в ржавом экзоскелете, приросшем к телу, и невысокое человекоподобное существо со множеством глаз на голове.

– Эффектно, – кивнул Харон, окинув взглядом поле несостоявшейся битвы. – А можно этого ишака притормозить, пока он одного из будущих членов моей группировки в болото не уволок?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.